ПРАВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 343.131

А.С. Барабаш

DOI: 10.36718/2500-1825-2019-4-80-93

ТОЛКОВАНИЕ СОМНЕНИЙ В ПОЛЬЗУ ОБВИНЯЕМОГО, ЕГО СВЯЗЬ С ПРЕЗУМПЦИЕЙ НЕВИНОВНОСТИ

A.S. Barabash

THE INTERPRETATION OF DOUBTS IN FAVOUR OF THE ACCUSED, ITS CONNECTION WITH THE PRESUMPTION OF INNOCENCE

Сторонники традиционного понимания презумпции невиновности обвиняемого связывают ее с толкованием сомнений в пользу обвиняемого. Было обнаружено противоречие в решении данного вопроса у отдельных исследователей. Суть его в следующем: не отрицая производности толкования сомнений от презумпции невиновности, они полагают возможным возводить толкование в ранг принципов процесса, тем самым ставя под сомнение существование презумпции как принципа. В статье отражены результаты проделанной работы по определению характера сомнений. Разобрана позиция по отождествлению недоказанной виновности с доказанной невиновностью и показана ее несостоятельность. Определена сфера применения толкования сомнений в пользу обвиняемого – квалификация в рамках уголовного права. Выведение этого правила за рамки процесса позволило опровергнуть наличие связи между презумпцией невиновности и толкованием сомнений. Подвергнуто критике словосочетание «разумное сомнение».

Ключевые слова: толкование сомнений в пользу обвиняемого, презумпция невиновности, их связь, характер сомнений, недоказанная виновность – доказанная невиновность, толкование сомнений, правило уголовной квалификации.

The adherents of conventional understanding of innocence presumption link this presumption to the benefit its doubt to the accused. The contradiction in the solution of the matter of certain researchers has been revealed. Its essence is in the following: without denying the derivativeness of interpretation of doubts from innocence presumption, they believe it to be possible to bring the interpretation to the level of the principles of the process, thereby

calling into the question of the existence of the presumption as the principle. The results of performed work on the determination of the nature of doubts are reflected in the study. The position on the identification of unproven guilt with proved innocence is sorted and its insolvency is shown. The scope of interpretation of doubts in favor of the accused, i.e. the qualification within criminal law is defined. The removal of this rule for the framework of the process allows disproving the existence of the connection between the presumption of innocence and interpretation of doubts. The phrase "reasonable doubt" is criticized.

Keywords: *interpretation of doubts in favor of the accused, presumption of innocence, their connection, types of doubts, unproven guilt is equal to proved innocence, interpretation of doubts, the rule of criminal qualification.*

Толкование сомнений в пользу обвиняемого в теории уголовного процесса связывают с различной степенью жесткости с презумпцией невиновности. Дореволюционный исследователь В.К. Случевский понимал презумпцию невиновности как «необходимость толкования каждого сомнения в пользу подсудимого, а также признание, что на подсудимого, как на лицо, предполагаемое до постановки обвинительного приговора невиновным, не может быть возложена (как в следственном процессе) обязанность представления доказательств своей невиновности, содействовать обнаружению материальной истины» [1]. Как следует из приведенного, толкование сомнений и зеркальное отражение бремени доказывания, возможно, против воли автора, полностью поглотили презумпцию невиновности, лишив ее собственного содержания. Вслед за В.К. Случевским, уже в наше время, Верховный суд РФ поступил таким же образом. В его Обзоре зафиксировано следующее понимание презумпции: «Презумпция невиновности, имеющая основополагающее значение для защиты прав человека, означает, что бремя доказывания лежит на стороне обвинения, что вина должна быть безоговорочно доказана и не может быть вменена, что всякие сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого, и что с лицами, обвиняемыми в совершении уголовных преступлений, следует обращаться в соответствии с этим принципом» [2]¹. О связи здесь нет основания говорить. Но были и есть авторы, которые пытались высвободить презумпцию из-под бремени и толкования сомнений. С.А. Голунский писал: «Если же, несмотря на ис-

¹ У Верховного суда нет последовательности в решении вопроса о соотношении презумпции невиновности и толкования сомнений в пользу обвиняемого. Ниже по тексту приводится содержание постановления, где рассматриваемый вопрос решается иначе.

черпание всех возможных путей к выяснению дела, убеждение в виновности обвиняемого у суда все же не складывается, то, как прямо указано в п. «б» ч. 3 ст. 236 УПК РСФСР, суд должен оправдать обвиняемого. Это, если угодно, тоже до некоторой степени презумпция невиновности» [3]². До какой? То есть толкование сомнений для цитируемого автора – это не правило, вытекающее из презумпции невиновности, а до неопределенной степени презумпция. В этом случае, в отличие от предыдущего, нет полного поглощения одного содержания другим, как нет и четкого определения границ толкования сомнений в рамках презумпции невиновности. В настоящее время полагают, что сила презумпции обеспечивает существование толкования сомнений в пользу обвиняемого, которое, как следствие, вытекает из презумпции невиновности [5]. Так, например, Пленум Верховного суда РФ в одном из своих постановлений пишет о производности толкований сомнений в пользу обвиняемого от презумпции невиновности [6]. Именно существование этого принципа в отдельных ситуациях обуславливает применение толкования сомнений. Вот дословное воспроизведение содержания части постановления: «В силу принципа презумпции невиновности обвинительный приговор не может быть основан на предположениях, а все неустранимые сомнения в доказанности обвинения, в том числе отдельных его составляющих (формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т. д.), толкуются в пользу подсудимого» [7]. Из приведенного следует, что толкование уже не рассматривается «как некоторая степень презумпции невиновности», но как в этом, так и в последнем случае, для тех, кто высказал эти слова, связь между презумпцией невиновности и толкованием сомнений очевидна, причем последнее имеет подчиненное значение. По всей видимости, эта связь теряется, если рассматривать, как это делает Л.В. Головкин, фразу *in dubio pro reo* (с лат. – «в случае сомнения – в пользу обвиняемого» [8]) в качестве принципа уголовного процесса [9, 10]. Правда, делается им это на швейцарском материале, без обоснования, допускаю, что и без привязки к тому, как понимается принцип в теории российского уголовного процесса. Упоминание об этом сделано в качестве предостережения тем, кто посчитает возможным, как это сделал И.Ю. Мурашкин, наряду с принципом презумпции невиновности говорить или писать о принципе толкования сомнений в пользу обвиняемого, который, по мнению указанного автора, пока еще лежит вне поля правового регулирования [11]. Возведение толкования в принцип лишает презумпцию одного из серьезных оснований и может быть использовано в качестве довода, свидетельствующего о существовании принципа презумпции не-

² По всей видимости, «до некоторой степени презумпцией невиновности» рассматривает толкование неустранимых сомнений и Е.В. Селина, когда пишет, что «презумпция невиновности имеет значение собственно презумпции как процессуального принципа, включая толкование неустранимых сомнений в пользу обвиняемого» [4].

виновности обвиняемого только в умах ее сторонников. Вероятно, и в середине прошлого века были авторы, склонные рассматривать толкование сомнений в качестве принципа. На что М. Марьясин, работавший в то время, замечал, что «задача состоит не в том, чтобы возводить в принцип сомнение, а в том, чтобы с помощью сомнения лучше, всестороннее исследовать вопрос, чтобы использовать сомнение как один из способов для открытия объективной истины» [12].

Хотелось бы подчеркнуть еще один важный момент, связанный с определением характера сомнений. Толкованию подлежит не «каждое сомнение», как об этом писал В.К. Случевский, а только неустранимое. Неустранимость сомнений как основание для толкования не раз, в разное время, подчеркивалось Верховным судом в своих решениях [13]. В настоящее время основание для такого понимания сомнений закреплено в ст. 49 Конституции РФ, где в ч. 3 говорится, что именно неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого [14].

Подобное отношение к этому вопросу превалирует и в теории. Л.В. Головкин пишет, «что российская теория уголовного процесса требует толкования в пользу обвиняемого не любых сомнений, а лишь неустранимых» [9]. Но далее он по непонятным причинам подчеркивает, что на начальных этапах расследования дела сомнения есть всегда. В последующем этот этап уточняется. «Расследование для того и производится, чтобы устранить сомнения, возникшие у нас при появлении повода и основания для возбуждения уголовного дела» [9]. Разве только для этого проводится расследование? А кто будет устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию? А при установлении их не возникает сомнений? В этом случае нам ближе и понятней отношение Рене Декарта к сомнению, который началом процесса познания считал сомнение [15]³, но не только то сомнение, которое бывает в начале, его сомнение выступает в качестве методологического приема, позволяющего получить знание. «Сомнение как бы расчищает почву для формирования нового знания» [16]. Следовательно, до получения знания всегда есть место сомнению. Сомнение – это то, что двигает познание вперед, оно необходимо как внутренний побудительный мотив деятельности. Таковым оно становится в силу того, что для человека, как писал Уильям Минто: «Уверенность, сознание готовности к действию, убеждение в том, что путь для свободного упражнения наших способностей открыт, представляет собою могучее и радостное чувство, настолько же необходимое для счастливой жизни, как и сама деятельность. Мы видим это из того, как тягостно и неприятно нам противоположное состояние, именно сомнение, затруднение, колебание, неуверенность относительно планов нашей деятельности» [17]. Преодолевая сомнение, мы получаем нечто новое, и

³ Кстати, первоначально мысль о том, что началом всякого знания является сомнение, была высказана Джордано Бруно. Но во главу угла оно было поставлено все же Рене Декартом.

так до тех пор, пока полученный результат не будет удовлетворять целям, сформулированным в начале деятельности, тем самым уничтожая дискомфорт, приобретая внутреннюю уверенность в соответствии наших знаний действительности. Следовательно, сомнение и знание соотносятся как средство и результат. Еще Рене Декарт говорил, что «знание — большее совершенство, чем сомнение» [18]. Перефразируя, можно сказать так: знание — это результат преодоления несовершенства, обнаруженного с помощью сомнения.

Всегда ли мы получаем результат, осуществляя познавательную деятельность при расследовании преступлений? Если исходить из поговорки, что отсутствие результата — тоже результат, — всегда. Но нам нужно знание, отсутствие результата, необходимость применения толкования в силу неустранимости сомнений — констатация познавательного и процессуального бессилия, неправильности выбранного пути, ненадежности или отсутствия средств, пригодных для работы с объектами, или наших ошибок⁴. Но прежде чем признать свое поражение и склонить голову перед сомнением, юристы должны приложить все силы, исчерпать все доступные для этого времени возможности и средства для его устранения. Не получилось — только тогда можно прибегать к толкованию сомнений из-за невозможности их устранения. В этом случае мы должны доказать исчерпание возможностей. Показательно отношение к сомнениям одного из наиболее известных дореволюционных юристов А.Ф. Кони. Он писал: «Благодетельный и разумный обычай, обратившийся почти в неписанный закон, предписывает всякое сомнение толковать в пользу подсудимого. Но какое это сомнение? Конечно, не мимолетное, непроверенное и соблазнительное по легко достигаемому при посредстве его решению, являющееся не плодом вялой работы ленивого ума и сонной совести, а оставшееся после долгой, внимательной и всесторонней оценки каждого доказательства в отдельности и всех их в совокупности в связи с личностью и житейской обстановкой обвиняемого. С сомнением надо бороться и победить его или быть им побежденным, так, чтобы, в конце концов, не колеблясь и не смущаясь, сказать решительное слово “виновен” или “нет”» [20].

Не надо бороться, считают те авторы, которые отождествляют недоказанную виновность с доказанной невиновностью [21, 5]. М.В. Маслова для подкрепления этой позиции ссылается на Конституцию, согласно которой, по ее мнению, «невиновность не нуждается в обосновании и доказывании и каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [22]. В этом случае, начиная со словосочетания «каждый обвиняемый», воспроизводится содержание ч. 1 ст. 49

⁴ Подробнее о возможных причинах недоказанности обстоятельств уголовного дела см. [19].

Конституции РФ. Читающие помнят, что для большинства процессуалистов в этой части закрепляется презумпция невиновности. Несостоятельность такого понимания презумпции была обоснована в предыдущих статьях, но даже если на минуту допустить несостоятельность приведенной аргументации, то разве из ст. 49 вытекает вывод, помещенный М.В. Масловой перед текстом ч. 1? Там разве говорится о том, что органы государства не обязаны доказывать невиновность? Обвиняемый и его защитник не обязаны, а вот органы еще никто не освобождал от необходимости доказывать как наличие, так и отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 и 74 УПК). Формула «недоказанная виновность еще не означает доказанную невиновность» для авторов, отстаивающих критикуемую здесь позицию, – мина, подведенная под основу их понимания процесса, – состязательность [21]. Ради сохранения того, чего на самом деле и нет, они готовы отказаться от познавательной активности, если виновность не доказана. В этом случае не только сомнения отбрасываются в сторону, но и попирается в угоду состязательности закон, который предусматривает возможность вынесения не только оправдательного приговора за непричастностью подсудимого к совершению преступления, но и оправдательных приговоров в силу неустановления события преступления или установления того, что в деянии подсудимого отсутствует состав преступления (ч. 2 ст. 302 УПК РФ). Постановление этих приговоров предполагает доказанность указанных в пп. 1 и 3 ч. 2 ст. 302 обстоятельств, свидетельствующих о невиновности подсудимого. И вот только в том случае, когда доказать это не удалось, есть основания оправдать по п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК.

Представляется, что вынесенные по пп. 1 и 3 оправдательные приговоры в юридическом плане точно отражают результат познания в отличие от приговоров за непричастностью к совершению преступления, которые скрывают формулу «недоказанная виновность = доказанной невиновности», что само по себе абсурдно. Как можно доказать, не доказав? Согласен, что оправдательные приговоры, постановленные по основаниям, предусмотренными этими пунктами, равнозначны, но только по своим последствиям – выносится оправдательный приговор, но содержательно, не доказанная виновность не тождественна доказанной невиновности.

По Кодексу 1960 г. об оправдательном приговоре за недоказанностью участия подсудимого говорилось в п. 3 ч. 3 ст. 309 УПК РСФСР. Вынося приговор по этому основанию, суд юридически точно обозначал тупик в познании, обусловивший вынесение этого приговора. Современный законодатель в п. 2 ч. 2 ст. 302 УПК РФ сформулировал это основание иначе, вероятно, посчитав, что предыдущая формулировка оставляла пятно на оправданном. И получилось «как всегда». Что означает основание оправдательного приговора, постановленного в силу того, что подсудимый не причастен к совершению преступления? То, что до-

казано, что он не имеет никакого отношения к совершенному преступлению, а как раз именно это и не доказано. Закон не свободен от всеобщей обязанности говорить правду, а здесь ее попытались заретушировать и сделали это неудачно. Эти рассуждения приводят к выводу о необходимости восстановления в законе прежней редакции.

Так как толкование сомнений большинство авторов считают производным от принципа презумпции невиновности обвиняемого, то и сфера действия этого правила замыкается рамками уголовного процесса. Л.В. Головкич пишет, что оно вообще не имеет никакого отношения к уголовно-правовой квалификации [9]. Сделав это утверждение, он пишет далее о том, что «речь идет об оценке фактических обстоятельств дела, а не о применении уголовного закона, которое, как мы знаем, должно быть во всех случаях правильным, не оставляющим пространства для усмотрения (или внутреннего убеждения) ни следователя, ни прокурора, ни судьи» [9]. Все ли так однозначно? Обстоятельства, подлежащие доказыванию, устанавливаются в рамках уголовно-процессуальной деятельности, при установлении – оцениваются с позиций норм уголовного права. Квалификация (вероятно, мало исследователей с этим будет спорить) находится за рамками уголовно-процессуальной деятельности, если думать иначе, то уголовное право теряет свое самостоятельное значение, а квалификация становится элементом уголовно-процессуального доказывания. Оценка обстоятельств дела имеет место быть, но с позиций выяснения вопросов относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств для установления этого обстоятельства. Все критерии оценки важны, но определяющим для установления доказанности является достаточность. Достаточно – доказано, недостаточно – не доказано. В последнем случае необходимо вернуться в процесс доказывания и устранить препятствия на пути к достаточности. Не удалось, мы вынуждены констатировать недостижение познавательного результата. Мы не можем сказать, было или не было, виновен обвиняемый или невиновен. Чаша весов Фемиды застыла на одном уровне, глаза закрыты повязкой. Процесс познания закончен, но не поставлена точка в уголовном деле, а это нужно сделать, нет и не может сейчас быть приговоров об оставлении в подозрении. Для этого мы обращаемся к правилу о толковании сомнений в пользу обвиняемого, вынося оправдательный приговор, что невозможно без обращения к нормам уголовного права. Обвиняемому инкриминировалось преступление, в силу неустановления обстоятельств, подпадающих под диспозицию какой-либо нормы уголовного кодекса, всякое обвинение с него снимается. И это происходит за рамками уголовно-процессуальной деятельности. За рамками ее находятся и ситуации, которые описаны в п. 4 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре», согласно которому «по смыслу закона в пользу подсудимого толкуются не только неустранимые сомнения в его винов-

ности в целом, но и неустранимые сомнения, касающиеся отдельных эпизодов предъявленного обвинения, формы вины, степени и характера участия в совершении преступления, смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств и т. д.» [23]⁵. Во всех этих случаях принимается уголовно-правовое решение, а не процессуальное. Об этом недвусмысленно говорит Конституционный суд в одном из своих определений, где он ссылается на ряд предшествующих решений, закрепляющих аналогичное содержание, которое он в определенной части повторяет. Цитирую: «Как неоднократно отмечал Конституционный суд Российской Федерации, наличие вины как обязательного элемента субъективной стороны состава правонарушения является одним из принципов юридической ответственности, а конституционные положения о презумпции невиновности и бремени доказывания, которое возлагается на органы государства и их должностных лиц, выражают общие требования при применении государственного принуждения карательного (штрафного) характера в сфере публичной ответственности как в уголовном, так и в административном праве (постановления от 7 июня 2000 г. № 10-П, от 27 апреля 2001 г. № 7-П, от 17 июля 2002 г. № 13-П; определения от 9 апреля 2003 г. № 172-О, от 6 июля 2010 г. № 934-О-О и др.)» [24]. В этом тексте не говорится о толковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого, но так как в литературе это правило считают тесно связанным с презумпцией невиновности, а Верховный суд РФ, как было показано выше, толкование сомнений считает производным от презумпции невиновности, полагаю, это правило имплицитно присутствует в нем. А исходя из того понимания толкования сомнений в пользу обвиняемого, которое обосновывается мною, речь в этих постановлениях и определениях должна была бы идти о толковании сомнений, место которого за рамками уголовного процесса.

Удивление вызывает то, что среди проработанных уголовно-процессуальных источников не встретилось ни одного, где анализу была бы подвергнута приведенная выше правовая позиция Конституционного суда. Трудно допустить, что их авторы не сталкивались ни с одним из указанных выше постановлений или определений. Напрашивается объяснение, что исходя из сформированных убеждений, не захотели увидеть и не увидели то, что им противоречит. А ведь некоторые из них выступают противниками одностороннего подхода при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, полагают возможным наставлять работников правоохранительных органов и судей в том, как они должны относиться к расследованию, — всесторонне, полно и объективно. Между тем, специалисты в области уголовного права понемногу начинают включать в орбиту своих интересов то, что процессуалистами

⁵ Ранее приведенное Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», в несколько иной редакции, закрепляет аналогичное содержание.

рассматривается как исконно свое. Так, например, Н.Т. Идрисов приходит к выводу о необходимости выделять специальные принципы квалификации преступлений и среди других пишет о толковании сомнения в пользу обвиняемого [25].

Неустранимые сомнения, здесь нельзя не согласиться с приведенным выше Постановлением Пленума Верховного суда РФ от 29 апреля 1996 г. «О судебном приговоре», могут возникнуть не только в судебном следствии, но и на досудебном производстве при расследовании уголовного дела, что может привести к отказу от применения квалифицирующего признака или решению о прекращении уголовного дела за недоказанностью, а на языке действующего закона – за непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) [26].

В уголовно-процессуальной литературе в привязке к сомнению можно встретить уточнение «разумное». Пришло это словосочетание из английского процесса, где подсудимому принадлежит привилегия разумного сомнения, т. е. сомнения, основанного на доказательствах. Вот как это разумное сомнение интерпретировано было в начале прошлого века М.А. Чельцовым. Он писал: «Мы удовлетворяемся известным заключением тогда, когда никакое другое предположение, кроме сделанного, не оказывается, по убеждению нашему, совместимым с обстоятельствами дела. Мы тогда говорим, что в деле нет “разумного, т. е. практического, сомнения”, хотя возможность теоретического сомнения остается почти всегда» [27]. Или вот еще одно, более конкретное высказывание о том, какое сомнение разумно. М. Марьясин писал: «Под разумным сомнением следует понимать такое состояние, когда после всестороннего исследования всех доказательств у судьи все же не остается прочного убеждения в том, что обвинение справедливо» [12]. Приведенные рассуждения сводятся к одному – есть решения обоснованные, дающие позитивный результат – знание о совершенном в прошлом деянии, есть – фиксирующие недостижение этого результата. Применительно к первым будем говорить – решение разумное, вынесенное при отсутствии сомнений, применительно ко второму – разумное, вынесенное при наличии сомнений. В чем отличие между ними? В обоснованности? Нет. И то и другое решение должно быть обосновано. В одном случае приводятся доказательства, неопровержимо свидетельствующие об установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, в другом – об исчерпании всех возможностей для установления значимых обстоятельств для принятия однозначного решения. В этих случаях значительную роль в вынесении обоснованных решений, и не только приговоров, не вызывающих сомнения, играет требование мотивированности их (ч. 4 ст. 7 УПК РФ). В чем тогда смысл обозначать сомнение разумным? Разве только при толковании сомнений в пользу обвиняемого у сотрудников правоохранительных органов и судей включается разум? Не у меня первого возник этот вопрос. М.С. Строгович писал: «Говорят, что для оправда-

ния необходимо не всякое сомнение, а только “разумное” сомнение. Но почему же это требование разумности предъявляется только к сомнениям, возникающим у судей и влекущим вынесение оправдательного приговора (вердикта)? Ведь разумным должно быть все, все действия следствия и суда, все их решения, все принимаемые ими меры. Сомнение должно быть разумным, но и убеждение должно быть разумным; должно быть разумным оправдание подсудимого, но должны быть разумны и его осуждения» [28]. Заручившись поддержкой авторитета, для кого-то непререкаемого, можно утверждать, что словосочетание «разумное сомнение» не имеет смысла. В этом случае презюмируется, что расследованием и судебным разбирательством занимаются разумные люди, профессионально владеющие своим делом.

Исходя из приведенных выше рассуждений, разрывается связь толкования сомнений в пользу обвиняемого с презумпцией невиновности как принципом уголовного процесса⁶, так как толкование применяется за рамками процесса. И еще один важный вывод. Вынося оправдательный приговор за недоказанность, мы, а это все – и государство, и общество, и каждый из нас в отдельности, обвиняемого считаем невиновным потому, что его виновность, впрочем, как и невиновность, в совершении преступления не доказаны в предусмотренном законом порядке. Как раз в силу последнего он считается невиновным – не смогли доказать, хотя на самом деле он может быть и виновен или невиновен. Получается, что классическая формула принципа презумпции невиновности обвиняемого, где ключевое слово «считается», является содержанием правила толкования сомнений в пользу обвиняемого.

В ст. 14 УПК РФ есть ч. 4, где говорится о том, что обвинительный приговор не может быть основан на предположениях. Если рассмотренные выше положения большинство авторов связывают с презумпцией невиновности, то по поводу этого в источниках не встречается отдельного обоснования его причастности к презумпции. Да по всей видимости его и не может быть. Это требование к обвинительному приговору может быть исполнено только при реализации метода объективности исследования обстоятельств дела, подлежащих доказыванию. В этом случае не будет места в приговоре для предположений. Исключаются они и в силу предписания п. 2 ч. 1 ст. 307 УПК, где требуется в описательно-мотивировочной части указывать доказательства, на которых основаны выводы суда в отношении подсудимого, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства. Может, этого достаточно, и содержание ч. 4 ст. 14 УПК излишне? На мой взгляд, приведенным выше, если только следовать ему, обеспечен достаточный запас прочности, препятствующий вынесению обвинительного приговора, основанного на предполо-

⁶ Не считал производным от презумпции невиновности толкование сомнений в пользу обвиняемого и М. Марьясин [12].

жениях. Презумпцию невиновности можно связать с обоснованным обвинительным приговором, если рассматривать ее как одну из версий, обязательных для исследования, отработка ее имеет значение для постановления такого приговора. При общепринятом понимании презумпции невиновности (считается невиновным) эта связь моим сознанием не обнаруживается.

Литература

1. Хрестоматия по уголовному процессу России: учеб. пособие / авт.-сост. Э.Ф. Куцова. – М.: Городец, 1999. – С. 85–86.
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4. 2015 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://consultant.ru>.
3. Голунский С.А. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики / ред. кол. Н.В. Крыленко; отв. ред. А.Я. Вышинский, Г.И. Волков. Кн. 4. – М.: ОГИЗ Советское законодательство, 1937. – С. 65.
4. Селина Е.В. Презумпция невиновности в уголовном праве // Российская юстиция. – 2015. – № 8.
5. Доля Е.А. В поддержку проекта закона, предусматривающего институт объективной истины в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. – 2014. – № 7.
6. Колесникова Е.С. Презумпция невиновности по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи и УПК РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2.
7. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Российская газета. – 12 июля. – URL: <https://rg.ru/2016/12/07/prigovor-dok.html>.
8. Южин В. Русско-латинский и латинско-русский словарь крылатых слов и выражений. – М.: Aegitas, 2015.
9. Головкин Л.В. Принцип *in dubio pro duriore* и теория неустранимых сомнений, или о пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. – 2016. – № 8.
10. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. – 633 с.
11. Мурашкин И.Ю. Эволюция принципа презумпции невиновности в Российском и международном праве // История государства и права. – 2014. – № 13.
12. Марьясин М. О толковании сомнений судьями при постановлении приговора // Методические материалы ВЮЗИ. Вып. 2. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1948. – С. 101.
13. О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.06.1969 № 4 (ред. от 26.04.1984). – URL:

- <http://consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17537#09101109613181817>; О Декларации прав и свобод человека и гражданина: постановление Верховного Суда РСФСР от 22.11.1991 № 1920-1 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://consultant.ru>.
14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://consultant.ru>.
15. Александров Г.Ф. История западно-европейской философии. – 2-е изд., доп. – М; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – С. 147.
16. История философии: учеб. пособие для вузов/ А.Н. Волкова, В.С. Горнев, Р.Н. Данильченко [и др.]. – URL: <http://intencia.ru/pages-view-436.html>.
17. Минто У. Индуктивная и дедуктивная логика. – СПб.: Санкт-Петербургская Электротечатня, 1902. – С. 20–22.
18. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науке. – URL: <http://psylib.org.ua/books/dekar01/index.htm>.
19. Стойко Н.Г. Недоказанность обстоятельств уголовного дела. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1984. – С. 32–51.
20. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) // Собр. соч. Т. 4. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 40.
21. Жариков Ю.С. Состязательность сторон в уголовном судопроизводстве как основа установления обстоятельств, подлежащих доказыванию // Российский следователь. – 2014. – № 8.
22. Маслова М.В. Сущность уголовно-процессуального доказывания в условиях состязательного судопроизводства // Современное право. – 2015. – № 6.
23. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 7.
24. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Светлова Кирилла Валентиновича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 32.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2015 № 2732-О // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://consultant.ru>.
25. Идрисов Н.Т. Правила квалификации преступлений: понятие, виды, проблема правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2009. – С. 50–52.
26. Романов С.В. Принципы уголовного процесса // Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – С. 293.
27. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс: учеб. для вузов. Т. 2. – Харьков: Юрид. изд-во, 1928. – С. 101.
28. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / отв. ред. Н.Н. Полянский. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – С. 139.

Literatura

1. Hrestomatija po ugovnomu processu Rossii: ucheb. posobie / avt.-sost. *Je.F. Kucova*. – M.: Gorodec, 1999. – S. 85–86.
2. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 4. 2015 (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 23.12.2015) // SPS «Konsul'tantPljus». – URL: <http://consultant.ru>.
3. *Golunskij S.A.* O verojatnosti i dostovernosti v ugovnom sude // Problemy ugovnoj politiki / red. koll. *N.V. Krylenko*; otv. red. *A.Ja. Vyshinskij, G.I. Volkov*. Kn. 4. – M.: OGIZ Sovetskoe zakonodatel'stvo, 1937. – S. 65.
4. *Selina E.V.* Prezumpcija nevinovnosti v ugovnom prave // Rossijskaja justicija. – 2015. – № 8.
5. *Dolja E.A.* V podderzhku proekta zakona, predusmatrivajushhego institut ob'ektivnoj istiny v ugovnom sudoproizvodstve // Rossijskij sledovatel'. – 2014. – № 7.
6. *Kolesnikova E.S.* Prezumpcija nevinovnosti po Ustavu ugovnogo sudoproizvodstva Rossijskoj imperii i UPK RF // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2015. – № 2.
7. O sudebnom prigovore: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 29 nojabrja 2016 g. № 55 // Rossijskaja gazeta. – 12 ijulja. – URL: // <https://rg.ru/2016/12/07/prigovor-dok.html>.
8. *Juzhin V.* Russko-latinskij i latinsko-russkij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij. – M.: Aegitas, 2015.
9. *Golovko L.V.* Princip in dubio pro duriore i teorija neustranimyh somnenij, ili o pol'ze izuchenija shvejcarskoj ugovno-processual'noj doktriny // Zakon. – 2016. – № 8.
10. Kurs sovetskogo ugovnogo processa. Obshhaja chast' / pod red. *A.D. Bojkova, I.I. Karpeca*. – M.: Jurid. lit, 1989. – 633 s.
11. *Murashkin I.Ju.* Jevoljucija principa prezumpcii nevinovnosti v Rossijskom i mezhdunarodnom prave // Istorija gosudarstva i prava. – 2014. – № 13.
12. *Mar'jasin M.* O tolkovanii somnenij sud'jami pri postanovlenii prigovora // Metodicheskie materialy VJuZI. Vyp. 2. – M.: Izd-vo VJuZI, 1948. – S. 101.
13. O sudebnom prigovore: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 30.06.1969 № 4 (red. ot 26.04.1984). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17537#09101109613181817>; O Deklaracii prav i svobod cheloveka i grazhdanina: postanovlenie Verhovnogo Suda RSFSR ot 22.11.1991 № 1920-1 // SPS «Konsul'tantPljus». – URL: <http://consultant.ru>.
14. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) // SPS «Konsul'tantPljus». – URL: <http://consultant.ru>.
15. *Aleksandrov G.F.* Istorija zapadno-evropejskoj filosofii. – 2-e izd., dop. – M; L.: Izd-vo AN SSSR, 1946. – S. 147.

16. Istorija filosofii: ucheb. posobie dlja vuzov / A.N. Volkova, B.C. Gornev, R.N. Danil'chenko [i dr.]. – URL: <http://intencia.ru/pages-view-436.html>.
17. Minto U. Induktivnaja i deduktivnaja logika. – SPb.: Sankt-Peterburgskaja Jelektropechatnja, 1902. – S. 20–22.
18. Dekart R. Rassuzhdenie o metode, chtoby verno napravljat' svoj razum i otyskivat' istinu v nauke. – URL: <http://psylib.org.ua/books/dekar01/index.htm>.
19. Stojko N.G. Nedokazannost' obstojatel'stv ugolovnogogo dela. – Krasnojarsk: Izd-vo KGU, 1984. – S. 32–51.
20. Koni A.F. Nravstvennye nachala v ugolovnom processe (obshhie cherty sudebnoj jetiki) // Sobr. soch. T. 4. – M.: Jurid. lit., 1967. – S. 40.
21. Zharikov Ju.S. Sostjazatel'nost' storon v ugolovnom sudoproizvodstve kak osnova ustanovlenija obstojatel'stv, podlezhashhih dokazyvaniju // Rossijskij sledovatel'. – 2014. – № 8.
22. Maslova M.V. Sushhnost' ugolovno-processual'nogo dokazyvanija v uslovijah sostjazatel'nogo sudoproizvodstva // Sovremennoe pravo. – 2015. – № 6.
23. Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. – 1996. – № 7.
24. Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Svetlova Kirilla Valentinovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'ju 1 stat'i 32.8 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 19.11.2015 № 2732-O // SPS «Konsul'tantPljus». – URL: <http://consultant.ru>.
25. Idrisov N.T. Pravila kvalifikacii prestuplenij: ponjatie, vidy, problema pravovogo regulirovanija: dis. ... kand. jurid. nauk. – Samara, 2009. – S. 50–52.
26. Romanov S.V. Principy ugolovnogogo processa // Kurs ugolovnogogo processa / pod red. L.V. Golovko. – M.: Statut, 2016. – S. 293.
27. Chel'cov M.A. Sovetskij ugolovnyj process: ucheb. dlja vuzov. T. 2. – Har'kov: Jurid. izd-vo, 1928. – S. 101.
28. Strogovich M.S. Uchenie o material'noj istine v ugolovnom processe / otv. red. N.N. Poljanskij. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1947. – S. 139.